

Disputatio

Дискуссия

СЛАВЯНСКИЙ КОНГРЕСС: КАК СЕГОДНЯ ИЗУЧАТЬ ИСТОРИЮ СЛАВЯНСКОГО МИРА?

В сентябре 2017 г. Санкт-Петербургский государственный университет проводит крупный научный форум: *Славянский конгресс: Как сегодня изучать историю славянского мира?* Он посвящен проблемам современного состояния исторической славистики.

Историческая славистика зародилась как особая область гуманитарного знания на рубеже XVIII–XIX вв. Это было тесно связано со становлением и развитием национального самосознания славянских народов в Новое время. Интеллектуалы Центрально-Восточной Европы предложили новое прочтение факта славянской языковой общности, и вывели на принципиально иной уровень славянскую идентичность. Во многом зарождение славистики было связано с развитием национализма у славянских народов. Во второй половине XX в. славистика была весьма востребованной областью знания в связи с Холодной войной и противостоянием великих держав. Ведь волею судеб большинство славянских народов оказались заключены в рамки одного из двух антагонических военно-политических блоков.

Окончание Холодной войны и вызванные этим серьезные геополитические изменения в Европе и мире серьезно затронули славянские страны. В новых интеграционных процессах в современной Европе, славянская идентичность стала играть скромную роль. Одни славянские государства вошли в ЕС и НАТО. Другие ощущают угрозу своей идентичности и культурному наследию со стороны глобализационных процессов, находя альтернативу в тяготении к России.

Все эти явления и процессы ставят перед исследователями-славистами вопрос о том, какие последствия нынешнее состояние «славянского мира» будет иметь для славистики как научной дисциплины. Перед славистами встают вопросы: Чем является в настоящее время славянская идентичность? Какова ее роль в контексте современных социально-политических процессов? Как сегодня изучать историю славянских стран? Имеет ли славяноведение перспективы как самостоятельная дисциплина и направление исследований?

Настоящими статьями мы открываем дискуссию Славянского конгресса.

УДК 947.02; ББК 63.3(2)4; DOI 10.21638/11701/spbu19.2017.109

А. В. Мартынюк

«ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ» ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ: СЕМЬ ТЕЗИСОВ К ДИСКУССИИ

Тезис первый. 16 июля 1054 г. кардинал Гумберт, легат римского папы Льва IX, положил на престол храма Святой Софии в Константинополе грамоту с анафемой на константинопольского патриарха Михаила Керулария и «сообщников его глупости». Неслыханная дерзость латинян потребовала от иерархов Нового Рима должного ответа. 20 июля патриарх Михаил отлучил от церкви членов латинской делегации, «пришедших из тьмы Запада», а также всех, кто каким-либо образом участвовал в подготовке нечестивого послания. Так разошлись судьбы Западной и Восточной церквей, а церковные и политические последствия раскола привели к формированию цивилизационных границ, заметных и на современной карте Европы.

Противоречия между Римом и Константинополем накапливались давно и касались широкого спектра проблем: от богословских тонкостей и принципиальных вопросов церковной юрисдикции до мелких отличий в литургической практике, которые современному исследователю кажутся незначительными. События 1054 года не были первым конфликтом между церквями Запада и Востока, однако именно они стали «точкой невозврата» в отношениях Рима и Константинополя. Эти последствия не были ясны непосредственным участникам конфликта. Достаточно отметить, что патриарх Михаил Керуларий анафемствовал только конкретных папских легатов, но не Западную церковь как таковую. События 1054 г. стали осознаваться церковными интеллектуалами как принципиальный разрыв только спустя десятилетия, а фактором актуальной политики и общественного сознания стали еще позже — в эпоху крестовых походов и особенно после взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. Исследования Бориса Николаевича Флори показали, что для славянского мира «отложенные последствия» Великого раскола наступили только в XIII в.¹ Окончательно конфликт

¹ Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 123–232.

1054 г. как событие всемирно-исторического значения был осмыслен уже в научной историографии Нового времени.

Возможно ли применение образа «Великого раскола» к ситуации в современной исторической науке? Такое сопоставление может показаться излишне драматическим, но историкам свойственно брать примеры для сравнения из предмета своего исследования. Образ «Великого раскола», контуры которого уже проступили, но последствия еще не осознаются современниками, кажется нам уместным для характеристики состояния современных исследований в области истории восточнославянского Средневековья. Дополнительным аргументом при выборе такого образа стали размышления автора данных строк над вопросами «антропологии науки» (см. ниже). Научное сообщество многое унаследовало от средневековых церковных практик: от ритуала посвящения в свои ряды новых членов до роли «кафедры», с которой ученый доносит свое мнение до профессионального сообщества. Для современного историка тема традиции и преемственности играет почти такую же важную роль, как и для церковного иерарха Средневековья.

Тезис второй. Нет ни одного историка, который в своей повседневной исследовательской практике не обращался бы к трудам своих предшественников и вопросам историографии. Но редко кто из историков задумывается над общественным контекстом своей исследовательской деятельности (если речь не идет о классической проблеме «историки и власть») и тем влиянием, которое оказывают на нее процессы, происходящие в современном ему обществе. Между тем, развитие любой научной дисциплины (естественнонаучной или гуманитарной) чрезвычайно тесно связано с «внешней средой», последняя оказывает решающее влияние на направление и модальность (здесь в семантическом смысле: как категории, выражающей отношение говорящего к содержанию его высказывания, базовые целевые установки речи) исследований, а также на их институциональное оформление. В наибольшей степени это относится к истории как дисциплине в системе гуманитарных наук, непосредственно реагирующей на актуальные процессы в обществе. Эти «рамочные условия» обычно воспринимаются исследователем как «само собой разумеющиеся», как данность, не требующая специальной рефлексии. Предметом осмысления такие темы чаще всего становятся лишь постфактум, когда между исследователем и рассматриваемой эпохой есть некоторая временная дистанция.

На наших глазах заканчивается большая эпоха, «время большой длительности» (если использовать терминологию Фернана Броделя) в истории исторической науки современных восточнославянских стран — Беларуси, России и Украины. С момента становления научной историографии в конце XVIII – начале XIX в. исторические исследования в области восточнославянского Средневековья развивались в рамках единой школы — и идейно, и институционально. Создание в Российской империи «больших исторических нарративов» и институциональной системы организации науки в XIX в., «бой за историю» и драматические судьбы самих историков в XX в. — все эти этапы белорусские, российские и украинские историки прошли вместе. Это ни хорошо, ни плохо само по себе — это данность истории исторической науки на нашем пространстве. Можно назвать очевидные исключения (наиболее наглядным примером является школа Михайло Грушевского в украинской историографии), но они лишь подтверждают

это правило. Общее интеллектуальное пространство, общий предмет исследования, общие (что не значит единообразные) методологические подходы, наконец, общие традиции корпоративной культуры, закрепленные не всегда осознаваемыми, но от этого не менее действенными ритуалами посвящения и преемственности — таковы были на протяжении двух столетий «рамочные условия» существования исторической науки Беларуси, России и Украины. Этот период закончился в конце XX в.

Тезис третий. Главной характеристикой современного периода развития исторической науки является возникновение на постсоветском пространстве новых суверенных государств. Для современных национальных историографий Беларуси, России и Украины характерен повышенный интерес к историческим и культурным традициям своих стран, становлению и развитию их государственности. Данная ситуация обусловлена объективными причинами: «нации ищут свою историю», а институализированная в виде национальных научных школ историческая наука отвечает в этом случае на запросы общества. Историческая наука Беларуси, России и Украины сейчас заново конструирует свой исторический нарратив, в том числе и при рассмотрении периода Средневековья.

Необходимо подчеркнуть, что речь идет не об инструментализации истории в политических целях и не о наступлении фолк-истории, с чем приходится сталкиваться научному сообществу во всех трех странах. Речь идет о тенденциях развития профессиональной историографии и влиянии, которое оказывает на историков (отдают они себе в этом отчет или нет) внешняя общественная среда. В настоящее время восточнославянская медиевистика развивается в принципиально новых условиях и неизбежно приобретает новый облик.

Тезис четвертый. В такой ситуации нет ничего априорно негативного: историческая наука будет существовать и развиваться, пока существует наука как сфера человеческой деятельности и социальный институт. Если бы не одно «но»: в области изучения восточнославянского Средневековья перед исследователем разворачивается грандиозная панорама Древней Руси — как исторической эпохи, предмета исследования и одновременно уникального в своей завершенности феномена культуры. С момента становления научной историографии и вплоть до настоящего момента история Древней Руси воспринималась и изучалась как общее наследие трех восточнославянских народов. Следует отметить, что в последнюю четверть века восточнославянская медиевистика была, вероятно, одной из наиболее динамично развивающихся отраслей исторического знания.

Но в это же время ясно обозначилась тенденция к фрагментации поля исследования в области изучения истории восточнославянского Средневековья. Сейчас соответствующие штудии все более институализируются как «история Беларуси», «история России», «история Украины». Повторимся, такая ситуация обусловлена объективными причинами. Однако эта тенденция ведет к проекции современных границ в далекое прошлое и появлению у каждой историографии «своего Средневековья». «Свое Средневековье» в России — это история Новгородской республики и Московского княжества / царства; в Беларуси — история Полоцкой земли и Великого княжества Литовского; на Украине — история Киева и Галицко-Волынской державы Романовичей и т. д. Главным недостатком такого подхода является его телеологичность:

все процессы рассматриваются только как предыстория современных политических реалий, прежде всего — современных государств и наций.

У каждого нового взгляда есть свои плюсы и свои минусы. Вероятно, парадигма «своего Средневековья» принесет что-то новое в понимание ранних этапов истории восточных славян. Но при этом неизбежно будет утрачено нечто очень важное, а именно видение Древней Руси как целостного историко-культурного феномена. Если эта утрата произойдет, восточнославянская медиевистика в некоторых концептуальных аспектах вернется не только в состояние донаучного историописания, но и в период до «Синописа» Иннокентия Гизеля и других памятников исторической мысли, начинавших в раннее Новое время осмысливать исторические судьбы восточного славянства.

Тезис пятый. Как большая тенденция проявляет себя в деятельности конкретного исследователя? Обратимся к проблематике функционирования научных сообществ, которая получила в англосаксонской традиции наименование «антропология науки». Зададимся вопросом: как историк *дефинирует себя* (чаще всего сам об этом не задумываясь)? Историк дефинирует себя через исследовательские практики: в какой архив он ходит, с какого автора начинает обзор историографии вопроса в своей книге или диссертации, в какое издание отдает статью для печати, на какую конференцию везет свои лучшие находки и т. д.

В последние годы в научном ландшафте Беларуси и Украины стало заметно новое явление, которое прослеживается в публикационной активности, географии участия в научных конференциях, списках цитируемых авторов и т. п. Оно сводится к формированию двух магистральных научных ориентаций — на Восток и Запад. Несколько утрируя ситуацию, можно сказать, что на одной и той же кафедре (например, в Белорусском государственном университете в Минске) могут сосуществовать два специалиста, работающих над сходной тематикой, но живущих в «параллельных мирах». Один из них будет начинать историографический обзор своей статьи с текстов Сергея Михайловича Соловьева и Василия Осиповича Ключевского, печатать эту статью и выступать на конференциях в Москве и Санкт-Петербурге, выкраивать время для работы в РГАДА. Для другого исследователя этот список будет выглядеть иначе: Генрик Ловмянский и Оскар Халецкий, Варшава и Вильнюс, работа в AGAD и т. д. В будущем (уже и не очень далеко) такая ситуация ведет к формированию разных научных языков исследования, разрыву ткани научных связей, потере общей перспективы и окончательной фрагментации проблемного поля исследований в области изучения восточнославянского Средневековья. Данная проблема представляется нам чрезвычайно острой.

Тезис шестой. Может быть, ситуация не является столь драматической, как это видится автору? В ответ на высказанные выше размышления можно возразить, что для недопущения такой фрагментации существуют стандартные механизмы функционирования научного сообщества. К ним относятся периодические издания, международные конференции, крупные научные проекты и иные реалии повседневной жизни исследователя. Вряд ли найдется главный редактор научного журнала или председатель оргкомитета конференции, который закроет двери своего издания или мероприятия перед учеными из других стран.

Действительно, развитие научного ландшафта в области восточнославянской медиевистики скорее внушает оптимизм. Уже в новом веке появилась целая серия специализированных научных изданий, ориентированных на проблемное поле восточнославянского Средневековья. Таков издающийся с 2007 г. научный журнал «*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*» («Петербургские славянские и балканские исследования»), предложивший свои страницы для дискуссии «Как сегодня изучать историю славянского мира?». В среде украинских историков-медиевистов одним из центров притяжения стал научный альманах «*Ruthenica*» (выходит с 2002 г.). В Беларуси исследователи в области истории Средневековья и раннего Нового времени имеют возможность публиковаться в специализированном научном ежегоднике «*Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*» (издается с 2008 г.).

Особенно удачным кажется нам принцип институционального сочетания научной конференции с ярко выраженным тематическим «ядром» и периодического издания. В таком формате строят свою работу международная научная конференция «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (проходит с периодичностью один раз в два года с 2001 г.) и журнал «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» (издается с 2000 г.). Данный подход дает ярко выраженный синергетический эффект, когда конференции задают общий вектор исследований, а журнал вносит в этот вектор живую динамику. Не случайно, что журнал «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» занял место ведущего издания в области изучения истории восточнославянского Средневековья. Другим примером являются традиционные «Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто» и серия «Древнейшие государства Восточной Европы», ведущая свою традицию с 1976 г.

На сходных принципах сочетания конференции и периодического издания построен проект «*Colloquia Russica*», реализуемый международной группой исследователей-медиевистов с 2010 г. В рамках данного проекта ежегодно проходит конференция в одной из стран восточноевропейского региона, по итогам которой издается сборник научных трудов. Конференции из серии «*Colloquia Russica*» состоялись в Польше (в 2010, 2012, 2013, 2015 гг.), Украине (2011, 2017 гг.), Литве (2012 г.), Словакии (2014 г.) и Чехии (2016 г.). Особенностью проекта является четко выраженный тематический акцент конференций (например, «Династические связи Рюриковичей», «Русь и страны латинской культуры», «Русь и кочевники» и др.) и внимание к региональной проблематике, что позволяет вписывать историю восточнославянского Средневековья в более широкий контекст истории Центральной и Восточной Европы. Хочется надеяться, что проект «*Colloquia Russica*» продолжит свою работу, а конференции пройдут и в других странах восточноевропейского региона.

Из актуальных научных проектов, принципиально ориентированных на надрегиональную проблематику, отметим проект «Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей (конец XV – середина XVIII в.) в контексте зарождения современных наций в Европе». Проект предусматривает проведение серии конференций и подготовку коллективной монографии историками из Беларуси, России, Украины с участием специалистов из Германии, Литвы и Польши. В рамках проекта уже прошли конференции в Минске (2015 г.) и Львове (2016 г.) и запланированы конференции в Москве (2017 г.) и Варшаве (2018 г.). Идейной основой проекта

послужили наработки западноевропейской медиевистики (прежде всего немецкой), а в организационном плане он координируется Германским историческим институтом в Москве.

Таковы лишь некоторые примеры новых — и в вполне успешных — инициатив и научных проектов в области восточнославянской медиевистики. Однако, по нашему мнению, одних традиционных механизмов оказывается недостаточно, когда на ситуацию в исторической науке начинают оказывать влияние объективные процессы общественного развития, в данном случае действующие в направлении фрагментации прежде единого исследовательского пространства. Вопрос заключается не в том, что историку можно (но в сегодняшних условиях часто сложно) ездить на конференции в других странах и печататься в зарубежных изданиях. Острота вопроса заключается в том, что исследователю, занимающемуся историей «классической» Древней Руси IX–XIII вв. (а в еще большей степени — восточнославянским Средневековьем в целом, включая период «Древней Руси после Древней Руси» во второй половине XIII – начале XVI в.²), стало можно не ездить на конференции в других странах и не печататься в зарубежных изданиях (не рассматриваем здесь безумную погоню за «рейтингами и индексами», которая стала самостоятельным явлением жизни научного сообщества в современном мире). Становятся возможными академические карьеры, полностью замкнутые границами национальных историографий, в том числе и в области изучения истории Древней Руси. В последнее время все чаще стали появляться статьи и книги, просто игнорирующие актуальные работы по исследуемой проблематике, выполненные за пределами «национального историографического горизонта».

Разумеется, можно привести много конкретных примеров иного подхода, но мы говорим об общей тенденции, которая проявилась и набирает силу. Если такая тенденция будет продолжаться, то в обозримой перспективе может исчезнуть сам предмет исследования — история Древней Руси, а вместо него возникнет новый предмет — история Беларуси / России / Украины в период Средневековья. Еще раз подчеркнем, что данная ситуация не рассматривается нами с алармистских позиций: историческое прошлое восточнославянских народов никуда не исчезнет, будет развиваться и исследующая это прошлое историческая наука. Появятся новые интересные концепции и новые фундаментальные работы. Однако в этом случае будет утрачена весьма почтенная историографическая традиция. Историку, как никому другому из представителей гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, тяжело расставаться с традицией, существующей несколько столетий.

Тезис седьмой. В условиях, когда традиционные механизмы теряют свою эффективность и начинает себя исчерпывать историографическая инерция, возникает потребность в переосмыслении «рамочных условий» функционирования научного сообщества и поиске принципиально новой исследовательской парадигмы, адекватной этим «рамочным условиям». Есть ли у нас примеры иного рода — не «разделяющей», а «интегрирующей» историографической парадигмы? В области

² Проблемам изучения данного периода нами была посвящена специальная статья: Мартынюк А. В. Древняя Русь после Древней Руси: К теоретической постановке проблемы // Древняя Русь после Древней Руси: Дискурс восточнославянского [не] единства. М., 2017. С. 29–37.

медиевистических исследований таким примером является история Византии — общее наследие европейской цивилизации, над изучением которого трудится сообщество исследователей из разных стран. Истории Византии как научной дисциплине удалось избежать фрагментации и конституироваться в качестве своеобразной «вещи в себе», самодостаточной историко-культурной ценности, не требующей легитимации через свое значение для современности. По нашему мнению, подобной «вещью в себе» может стать и история Древней Руси, как общее наследие восточнославянских народов и самостоятельное поле исследования в мировой медиевистике. История Древней Руси видится нам как самодостаточная ценность, не сводимая к ранним этапам истории современных восточнославянских стран — Беларуси, России и Украины. В этом смысле мы считаем возможным говорить о *византинизации истории Древней Руси* как актуальной научной задаче.

Очевидно, смена исследовательской парадигмы не может быть одномоментной и предполагает консенсус профессионального сообщества историков-медиевистов, которые работают в области изучения восточнославянского Средневековья. Формы этого консенсуса (если он вообще окажется возможным) и механизмы его осуществления еще предстоит определить. Однако для того, чтобы предпринимать какие-то действия, необходимо сначала увидеть явление и проблематизировать его. В истории исторической науки есть примеры работ, значение которых состояло в проблематизации существующей (и ставшей привычной) ситуации и попытке предложить новый взгляд на уже известные вещи. Приведем лишь два примера. Совсем недавно немецкий медиевист Михаэль Боргольте выдвинул тезис о «монотеистическом характере» средневековой Европы (подчеркнув роль в ее истории не только христианства, но и двух других родственных ему монотеистических религий — иудаизма и ислама), что вызвало плодотворную дискуссию в историографии³. Можно вспомнить и пример, несколько более удаленный от нашего времени, а именно книгу румынского исследователя Николае Йорги «Византия после Византии»⁴. Книга дала название исторической эпохе после падения Константинополя в 1453 г. и в то же время сформулировала новую перспективу изучения истории многих восточноевропейских и балканских стран, основанную на понимании их общего наследия. Данная исследовательская парадигма наиболее близка нашему пониманию того, как могла бы выглядеть *византинизация истории Древней Руси*. Таким образом, размышления автора данных строк снова привели его в Византию — откуда они берут свое начало.

Таковы тезисы, предлагаемые нами к дискуссии. Автор данных строк отдает себе отчет в том, что они сформулированы скорее в виде общих вопросов, нежели ясных ответов. Но дискуссию надо с чего-то начинать.

Данные о статье

Автор: Мартынюк, Алексей Викторович — кандидат исторических наук, докторант, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, a.martynioug@mail.ru

Заголовок: «Великий раскол» восточнославянской медиевистики: семь тезисов к дискуссии

Резюме: В статье рассматривается современная ситуация в области изучения истории Древней Руси и восточнославянского Средневековья в целом. Выдвигается тезис, что в настоящее время

³ *Borgolte M. Christen, Juden, Muselmanen. Die Erben der Antike und der Aufstieg des Abendlandes 300 bis 1400 n. Chr. München, 2006.*

⁴ *Iorga N. Byzance après Byzance: Continuation de l'Histoire de la vie byzantine. Bucharest, 1935.*

наблюдается тенденция к распаду прежде единого поля исследования, и медиевисты Беларуси, России и Украины все более замыкаются в рамках своих национальных историографий. Такая ситуация образно сравнивается с «великим расколом» Западной и Восточной церквей в 1054 г. Статья является приглашением к дискуссии по данной проблематике.

Ключевые слова: Древняя Русь, медиевистика, историография, тенденции развития исторической науки

Литература, использованная в статье

Мартынюк, Алексей Викторович. Древняя Русь после Древней Руси: К теоретической постановке проблемы // Древняя Русь после Древней Руси: Дискурс восточнославянского [не]единства / Отв. сост. А. В. Доронин. Москва: Политическая энциклопедия, 2017. С. 29–37.

Флоря, Борис Николаевич. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. Москва: Православная энциклопедия, 2007. 528 с.

Borgolte, Michael. Christen, Juden, Muselmanen. Die Erben der Antike und der Aufstieg des Abendlandes 300 bis 1400 n. Chr. München: Siedler Verlag, 2006. 640 s.

Iorga, Nicolae. Byzance après Byzance: Continuation de l'Histoire de la vie byzantine. Bucharest: Institut d'Etudes Byzantines, 1935. 272 p.

Information about the article

Author: Martyniuk, Aleksey Viktorovich — Ph. D in History, Doctorant, Belarusian State University, Minsk, Belarus, a.martyniuk@mail.ru

Title: «The Great Schism» of Eastern Slavic Medieval Studies: Seven Theses for Discussion

Summary: The article considers the current situation in the field of studying the history of Old Rus' and the Eastern Slavic Middle Ages in general. A thesis states that currently there is a tendency to disintegration of the formerly single field of research, and that medievalists from Belarus, Russia and Ukraine are increasingly locked in their national historiographies. Such a situation is figuratively compared with the «great schism» of the Western and Eastern churches in 1054. The article invites to a discussion on this issue.

Keywords: Old Rus', medieval studies, historiography, tendencies in the development of historical science

References

Borgolte, Michael. Christen, Juden, Muselmanen. Die Erben der Antike und der Aufstieg des Abendlandes 300 bis 1400 n. chr. [Christians, Jews, Muslims. Heirs of Classical Antiquity and the Rise of the West from 300 to 1400 AD]. München: Siedler Verlag, 2006. 640 p. (in German).

Florya, Boris Nikolayevich. Issledovaniya po istorii Tserkvi. Drevnerusskoye i slavayanskoe srednevekovye [Studies on the history of the Church. Old Russian and Slavic Middle Ages]. Moscow: Pravoslavnyaya enciklopediya Publ., 2007. 528 p. (in Russian).

Iorga, Nicolae. Byzance après Byzance: Continuation de l'Histoire de la vie byzantine [Byzantium after Byzantium: Continuation of the History of Byzantine Life]. Bucharest: Institut d'Etudes Byzantines Publ., 1935. 272 p. (in French).

Martyniuk, Aleksey Viktorovich. Drevnyaya Rus' posle Drevney Rusi: K teoreticheskoy postanovke problemy [Old Rus' after the Old Rus': To the theoretical formulation of the problem], in Doronin, Andrey Vladimirovich (ed.). Drevnyaya Rus' posle Drevney Rusi: Diskurs vostochnoslavlyanskogo [ne]edinstva [Old Rus' after the Old Rus': The discourses of the East Slavonic [non]unity]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya Publ., 2017. P. 29–37 (in Russian).